

РЕВОЛЮЦИЯ И ТЕРМИДОР

К исторической типологии общественно-политического процесса в России 90-х годов

Вопросы философии. 1998. № 1. С.3-16.

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#),
9 термидора ССХVII года (27 июля 2010).

Современное состояние и развитие российского общества справедливо приравнивается к одному из самых драматических этапов его истории. Ее перипетии находятся в центре внимания отечественных обществоведов, в первую очередь экономистов, социологов, политологов. Меньше внимания уделяют им историки, это объяснимо: тенденции и результаты современного российского исторического процесса еще не выявились в полной мере, не приобрели законченного вида, что затрудняет их анализ. Остается скудной источниковедческая база для полнокровного историографического анализа, потаенными, а то и тщателью скрываемыми являются, например, материалы приватизации, финансовой и предпринимательской деятельности властей и нарождающегося российского капитала. Тем не менее накопилось, на мой взгляд, достаточное количество фактов для историко-типологических оценок и определений ряда существенных сторон самого новейшего этапа российской истории. К важнейшим из них могут быть отнесены: революция и термидор.

Эти два определения уже использовались отечественными политиками и обществоведами применительно к 90-м годам, но их осмысление носит лапидарный характер, причем они оказываются наполненными противоречивым, порой взаимоисключающим содержанием. Политики и обществоведы либеральной ориентации определяют современную российскую революцию, под которой в первую очередь понимают августовские события 1991 г., как буржуазно-демократическую, чаще просто как демократическую, и дают ей сугубо положительные оценки (типичными являются, например, суждения, что она вернула российскую историю в естественно-историческое русло, вывела ее на столбовую дорогу цивилизации). С совершенно иными оценками выступают представители противоположного лагеря. Например, социолог В.Рукавишников определил августовские события 1991 г., имея в виду позицию и результаты действий Б.Ельцина и его сторонников, как "антикоммунистический переворот"¹. Подобная оценка, получившая распространение среди противников нового режима, носит, на мой взгляд, откровенно тенденциозный характер. Действительно, возможно

ли, даже при глубокой неприязни к Ельцину и его сторонникам, отрицать, что 19 августа 1991 г. попытка переворота, носившая охранительно антидемократический и антиконституционный характер, была предпринята наиболее консервативной частью руководства СССР? Действия Ельцина и его окружения имели ответный характер, получивший в отличие от действий путчистов широкую поддержку, что и привело к быстрой смене общественного строя в России.

Как бы то ни было, осмысление событий 1991 г. приобрело остродискуссионный характер. Не меньше споров вызывают и события, следовавшие за августовской сменой общественно-политического режима в России, которые я обозначаю как термидор. Прежде чем приступить к историко-типологической характеристике современной российской революции и термидора, целесообразно уточнить, что понимается под этими определениями, поскольку по данному вопросу ни в общественном мнении, ни в обществоведении единства не существует.

Что касается понятия "революция", то различия в определении этого понятия у представителей обществоведческих дисциплин не столь существенны. Под революцией чаще всего понимается коренное или радикальное изменение общественно политического строя, типа политической власти или режима. Историки при этом предпочитают пользоваться социально определенными понятиями, например, "буржуазная" или "социалистическая" революция, а политологи или социологи более общими понятиями типа "левая" и "правая" революции. Разногласия такого рода вполне устранимы, ибо понятно, например, что "левые" революции направлены на смену или расшатывание буржуазных общественных основ, а "правые" революции преследуют цель утверждения или упрочения капиталистического строя. Более серьезны расхождения в понимании сути термидора.

В марксистской и в первую очередь советской исторической мысли термидор трактовался как контрреволюция. Классическим образцом термидора признавался антиякобинский переворот во Франции в 1794 г. Большинство марксистов, как и в целом авторов левой ориентации, применяли термин "термидор" только в отношении действий буржуазии, пресекавшей народные революции. Со временем, однако (и одним из первых пример здесь подал Л.Троцкий), часть марксистских и в более широком плане левых авторов, стали применять термин "термидор" и в отношении "прерывания" социалистической революции. Так, Л.Троцкий и его последователи под "термидором" понимали "перерождение" большевизма в 20-е годы и антидемократические действия Сталина, приведшие к узурпации им власти в СССР. Термидор означал разрыв с Октябрем 1917 г., т.е. контрреволюцию.

¹ См., например: [И.Токин. Ленин о Великой французской революции \(полемика с Ц.Фридляндом\)](#); [В.Колоколкин, С.Моносов. Что такое термидор?](#) - ред. [Vive Liberta](#).

В немарксистской литературе, использующей термин "термидор", его толкование отлично. Под термидором понимается присвоение результатов революции, концентрация и консолидация экономической и политической власти в руках новых элит. В такой трактовке термидор обнаруживает как разрыв, так и преемственность с революцией (ее результаты не отменяются вообще, а используются в собственных интересах элитами). По этой причине термидор рассматривается как консервативная фаза или консервативное завершение революции. Не случайно, например, французские историки определяют хронологические рамки революции конца XVIII в. в Франции не 1789-1794 гг., как это делали советские историки, а 1789-1799 гг.

Какая из этих оценок соответствует исторической реальности? Рассмотрим это вопрос на примере нескольких термидоров, имевших место в истории разных стран. Для начала обратимся к опыту французского термидора конца XVIII в., признанной классическим образцом как в отечественной, так и в мировой историографии. Известный советский специалист по истории Франции В.М.Далин, определивший его в полном соответствии с марксистско-ленинской традицией как "буржуазную контрреволюцию"², в конкретно-историческом изложении термидорианского периода приводил факты, которые заставляют усомниться в данной оценке. Действительно, эти факты свидетельствуют, что термидорианцы сняли ограничения с капиталистического накопления и попытались в максимально полной мере восстановить свободную конкуренцию и рыночное ценообразование. В политической сфере они пресекали не только эгалитаристские устремления "низов", но в еще большей мере попытки монархической реставрации. В целом их позиция заключала стремление избавить Францию от якобинского эгалитаристского наследия и вернуться к "чистым" либерально-буржуазным образцам, в гораздо большей мере, чем якобинская программа, соответствовавшим принципам 1789 г. Термидорианская политика способствовала концентрации власти в руках и в интересах буржуазных элит, посчитавших истощенными свои обязательства перед народом. Она может быть поэтому определена не как контрреволюция, а как нормализация буржуазного миропорядка, который объективно и стоял на главном месте в повестке революции. То, что для этого пришлось пожертвовать политической демократией и тем более социальным эгалитаризмом, с точки зрения буржуазного миропорядка было явлением второстепенным.

Второй исторический пример термидора относится к практике Американской революции конца XVIII в. В 1787 г., через одиннадцать лет после начала революции, американская элита предприняла мощную и успешную попытку консолидации государственно-политической власти в своих руках. Выработанная ею, а затем одобренная необходимым большинством штатов федеральная конституция пресекала или резко ограничивала "перехлесты" политической демократии и тенденции социального эгалитаризма, которые в предшествующий период нашли

широкое выражение как в действиях низов, так и в законодательной практике многих штатов. Но и американский термидор означал не контрреволюцию, а нормализацию буржуазного миропорядка, приведение завоеваний революции в соответствие с интересами тех элитных групп, которые участвовали в революции и благодаря ей закрепили господствующие позиции в экономике. Американский термидор был гораздо мягче французского, ибо элита США сочла возможными и необходимыми разнообразные компромиссы с неэлитными слоями белого населения, что подвело под буржуазный миропорядок весьма прочную социальную базу. Конституция США, институционализировавшая этот миропорядок и бравшая под особую защиту экономическую свободу и право собственности, вместе с тем утверждала принципы разделения властей, "сдержек и противовесов", правовое государство, политические свободы. Элита придала ей форму "общественного договора" с нацией, который налагал на правителей и управляемых взаимные обязательства. То, что американский термидор в отличие от французского не столько ущемлял демократию, сколько отдавал ее под контроль элиты, объяснялось, конечно, не интеллектуальным превосходством отцов-основателей США над вождями французских буржуа, а гораздо меньшими для американского буржуазного миропорядка опасностями как "слева", так и "справа".

Третий пример термидора относится к отечественной истории, к периоду, следовавшему за Октябрьской революцией 1917 г. Это была уже не буржуазная, а противоположная ей по духу "левая", эгалитаристская революция. Провозгласив в момент своей кульминации принципы "Землю крестьянам!", "Фабрики рабочим!", "Власть Советам!", обеспечившие тесную смычку большевистского руководства с народом, революция затем стала все более тяготиться подобными обязательствами и уже в 20-е годы практически отреклась от них. И в России революция сменилась термидором, означавшим консолидацию и концентрацию власти в руках политической элиты, сформировавшейся из числа "переродившихся" вождей революции и сложившейся уже после нее партийно-государственной номенклатуры. Но и российский термидор трудно назвать контрреволюцией, поскольку он заключал в себе не только разрыв, но и преемственность с эгалитаристскими социально-экономическими нормами большевизма. Другое дело, что эти нормы находились теперь во власти партийно-государственной элиты, которая во все большей степени обнаруживала тенденцию "нормировать" не себя, а народ.

Эти исторические примеры, которые могут быть дополнены и многими другими, позволяют, на мой взгляд, определить термидор как консервативную фазу революции, сосредоточившую власть в руках новых элит. В этом его отличие от реставрации, которая, а не термидор, и может быть названа контрреволюцией. Приведенные примеры свидетельствуют, что термидор выступает в качестве

закономерности революционных эпох. По крайней мере, трудно привести хотя бы один пример, свидетельствующий о том, что революции, "левые" или "правые", обещавшие всеобщее счастье, воплощали свои идеалы в жизнь. Термидор подтверждает выводы Г.Моска, Р.Михельса, В.Парето, Р.Миллса и многих других политологов и социологов о разделении общества на классы управляющих и управляемых, как бы не маскировалось это разделение в идеологии управляющих. **Другое дело, что отношение между термидором и демократией неоднозначно: "жесткие" термидоры подавляют ее, а "мягкие" сохраняют, выстраивая разного рода компромиссы между элитами и массами, оставляя возможность для пересмотра и обновления "общественного договора".** При либерально-демократическом режиме возникают модели "демократического элитизма", "открытых элит", демократические формы расширяются, налагая на элиты новые обязательства. Расширение демократии не происходит по доброй воле элит, оно требует усилий со стороны масс, их политической зрелости и постоянной политической активности.

Современный общественно-политический процесс в России, рассматриваемый под интересующим нас углом зрения, может быть разделен на два этапа: 1989-1991 гг. - его можно обозначить как период либерально-демократической революции, и 1992-1997 гг. - как элитарно-термидорианский. Ниже я обращаюсь к характеристике каждого из них.

Понятие "революция" на современном этапе впервые использовал М.Горбачев, который в 1986 г. определил таким образом свой курс: "Я бы поставил знак равенства между словами перестройка и революция"³. Для людей, воспитанных на букве марксизма-ленинизма, слова Генерального секретаря звучали тревожно: ведь под революцией классики понимали полную смену если не социально-экономического, то уж по меньшей мере политического строя. Постепенно, однако, прояснилось, что озадачившее многих слово "революция" имело пропагандистское значение: приравняв провозглашенную им перестройку по исторической значимости к Октябрю 1917 г., Горбачев рассчитывал получить широкую поддержку масс. Основ советского строя, разъясняя он в своей книге "Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира", менять не планировалось⁴. Один из влиятельных идеологов в окружении Генерального секретаря Г.Смирнов в статье "Революционная суть перестройки" даже придал новой революции охранительный смысл: "...речь идет не о социально-политической революции, когда уничтожаются основы экономических отношений старого строя, устанавливается принципиально новая политическая власть, выражающая интересы свергающих классов. Здесь ситуация иная. Речь идет не о разрушении общественной собственности на средства производства, а о ее укреплении и более эффективном использовании... Речь идет не о сломе государственной власти, а о дальнейшем укреплении социалистического всенародного государства, укреплении

социалистической демократии, развитии народного социалистического самоуправления"⁵.

Перестройка как охранительная революция прошла в своем развитии два этапа, оба из которых завершились поражением, исчерпав возможности придания поступательного развития советскому социалистическому строю. Между двумя этапами имелись существенные различия, в частности в недрах второго этапа, в значительной мере благодаря обновленной реформаторской стратегии Горбачева, стали вызревать предпосылки подлинной революции - либерально-демократической.

На первом этапе - 1985-1986 гг. - была использована по сути традиционная модель командно-административных методов "ускорения" социалистического развития, не затрагивавшая основ советского строя. Она не только не дала позитивных результатов, но даже усугубила экономические и социальные проблемы СССР. На втором этапе, начало которому положил январский 1987 г. пленум ЦК КПСС реформаторская стратегия была серьезно пересмотрена. Командно-административные методы были осуждены и отвергнуты, а вместо них была взята на вооружение стратегия соединения социализма с демократией и рынком. Новая реформаторская стратегия Горбачева быстро расширялась, включая в себя многие либеральные и демократические ценности: альтернативные выборы, разделение властей, отсутствие цензуры, естественные и неотъемлемые права человека, рынок и рыночная конкуренция, гражданское общество и правовое государство и т.д.

Попытка Горбачева спасти и реанимировать социализм при помощи соединения его с демократией и рынком провалилась. Причины провала породили дискуссию, которой никогда не будет конца, главными, однако, являясь две точки зрения: одна утверждает, что социализм вообще не соединим с демократией и рынком, другая доказывает, что Горбачев использовал ошибочные приемы подобного соединения. Здесь нет возможности, да и необходимости вторгаться в эту дискуссию, для нашего анализа достаточно следующего вывода: **провал горбачевской стратегии породил в обществе убеждение, быстро ставшее господствующим, что модернизация на социалистической основе вообще невозможна, что рынок и демократия не могут быть привиты социализму, а их укоренение требует смены общественно-политического строя.** Эти идеологические установки, равнозначные идеологической революции, были усвоены обществом в 1989-1991 гг., а венцом стала мирная политическая революция 1991 г., нанеся сокрушительный удар по СССР и социалистическому строю.

Итак, либерально-демократическая революция 1989-1991 гг. развивалась по одному из классических для революций вариантов: сначала была выдвинута и внесена в сознание масс, став "материальной силой", либерально-демократическая идеология, а по ее стопам пошла либерально-демократическая политическая революция. Вождем этой революции выступило движение, называвшееся в равной степени и радикальным и демократическим. Своим появлением оно обязано

порожденной Горбачевым политической демократизации, которая быстро приобрела собственную инерцию и выдвинула множество радикальных его оппонентов.

Организационным выражением радикального движения стали Межрегиональная депутатская группа 1989 г., движение "Демократическая Россия", созданное в январе 1990 г., многочисленные политические партии (Демократическая, Республиканская, Социал-демократическая, Христианско-демократическая и др.), образовавшиеся весной-летом 1990 г. Идеологической опорой движения стали самые популярные средства массовой информации: "Московские новости", "Аргументы и факты", "Известия", "Комсомольская правда", "Московский комсомолец" и другие, тиражи которых достигали многих десятков миллионов экземпляров (так, только совокупный тираж "Аргументов и фактов" и "Комсомольской правды" превышал 50 млн. экземпляров).

Социальный состав радикального движения вобрал в себя, во-первых, относительно небольшую группу диссидентов во главе с академиком А.Сахаровым; во-вторых, большую часть научной и творческой интеллигенции, ядро которой составили "шестидесятники" (Е.Евтушенко, А.Адамович, Г.Бакланов, В.Селюнин, Ю.Черниченко и др.), молодежь, игравшую все более активную роль (С.Станкевич, А.Мурашов, И.Заславский, О.Кудрявцев и др.), в-третьих, часть советского партийно-идеологического истеблишмента (Б.Ельцин, Ю.Афанасьев, Р.Хасбулатов, Г.Бурбулис и др.), по разным мотивам перешедшая в радикальную оппозицию к Горбачеву. **Довольно пестрый состав радикального движения предопределил и пестроту его интересов, которые вмещали в себя и искренне демократические, как у бывших диссидентов, и замаскированно карьерные, как у большинства представителей партийно-идеологического истеблишмента. Пестрота социального состава и интересов радикального движения предопределили его внутренние противоречия, а в последующем расколы и "перерождение", ставшие после утверждения радикалов у власти одним из факторов российского термидора.**

При всей неоднородности радикального движения ему в оппозиционный период было присуще идеологическое единство. На первом этапе - конец 1988 г. - лето 1990 г. - для всех его течений была еще характерна вера в идеалы демократического социализма. Правда, радикалы более решительно в сравнении с Горбачевым уже тогда отстаивали классические либерально-демократические ценности, в том числе и такие: частная собственность, многопартийность, политический плюрализм, которые для Генерального секретаря были неприемлемы. Они должны были быть скрещены с социалистическим идеалом. Приверженность последнему в сочетании с усиливавшимся поклонением радикалов западным ценностям приводила их к поразительным идеологизмам: образцами истинного социализма были объявлены Швеция, Австрия и даже Соединенные Штаты Америки!

Разрыв радикалов с социалистическим идеалом созрел постепенно, а окончательно произошел летом 1990 г. Последняя точка в

этом разрыве была поставлена в ходе перипетий XXVIII съезда КПСС. После того как радикалы во главе с Ельциным, избранные делегатами съезда, не смогли реализовать свои требования, они решительно заявили о выходе из КПСС. Начался новый - антикоммунистический этап российского радикализма. Эта важная перемена была четко выражена в обращении руководства движения "Демократическая Россия", принятом в августе 1990 г.: «Замена модели "демократы в КПСС + демократы вне КПСС"... на куда более естественную модель "демократы вне КПСС, с одной стороны, КПСС - с другой стороны", неизбежна для начинающейся многопартийной реальности»⁶.

На новом этапе радикалы отвергли социализм в любом его виде и твердо присягнули идеалу "чистого либерализма", освобожденному от социалистической "примеси". Народившиеся весной-летом 1990 г. радикальные партии стали соперничать между собой под лозунгом "Больше либерализма!" Резкий уклон российского радикализма в сторону чистого либерализма проявился и в том, что наиболее популярными авторами средств массовой информации стали публицисты, отстаивавшие ценности свободного рынка в духе М.Тэтчер и Р.Рейгана. Радикалы продолжали рассматривать западную модель как образец для России, но теперь эта модель трактовалась как чисто капиталистическая и антисоциалистическая.

Принятие радикалами принципов чистого либерализма было обусловлено логикой и особенностями общественно-политических процессов как в России, так и в мире. Во-первых, этому способствовал крах двух реформаторских моделей Горбачева, обе из которых обозначались как социалистические. В обществе широко распространилось убеждение, что серьезные экономические реформы на социалистической основе вообще невозможны и что надежды должны быть возложены на чистые либеральные образцы экономического и политического развития. Воплощением их была Западная цивилизация.

Бум прозападных настроений достиг пика как раз в 1990-1991 гг. Именно тогда, признав провал реального социализма, российское общество твердо восприняло в качестве "общечеловеческих" западные ценности. При этом за образец западного либерализма был воспринят тот, который в силу конкретно-исторических причин вышел на первый план в 80-е годы. Этот образец, ассоциировавшийся с именами премьер-министра Великобритании М.Тэтчер и президента США Р.Рейгана, можно определить как буржуазно-индивидуалистический либерализм. По иронии судьбы этот образец либерализма, обожествлявший рынок и сводивший роль государства к минимуму, в самих странах Запада уже давно и прочно выполнял функцию консерватизма и чаще всего выступал под этим именем. Ведущее же течение западного либерализма, ассоциировавшееся с именами Д.Кейнса, Ф.Рузвельта, Д.К.Гэлбрейта и синтезирующее в себе индивидуализм, демократию и социал-реформизм, было объявлено современными российскими радикалами несостоятельным.

Важной причиной резкого "поправения" российских радикалов в 1990 г. стали прокатившиеся в конце 1989 г. антикоммунистические революции в Восточной Европе. Они показали, что антикоммунизм пользуется широкой поддержкой и что политические победы может принести не "половинчатая" либерально-социалистическая позиция, а бескомпромиссное отрицание реального социализма. Этот урок и воплотился в политической стратегии радикалов.

Доказательством чуткого улавливания радикалами меняющихся политических веяний и запросов является непрерывный рост их популярности в массах в 1989-1991 гг. Своего первого успеха они добились на весенних выборах 1989 г. народных депутатов СССР, которые впервые в советской истории проводились на альтернативной основе. Через год во время вторых свободных выборов, на этот раз в органы власти РСФСР, радикалы существенно развили свой успех. Их лидер Б.Ельцин был избран председателем Верховного Совета РСФСР и сформировал российское правительство, принявшее программу радикальных экономических реформ. Наконец, еще через год на третьих свободных выборах, выступая уже на открыто антикоммунистической платформе, они добились политического триумфа. В июне 1991 г. Б.Ельцин был избран президентом России, получив 57,3% голосов избирателей, в то время как четверо коммунистических кандидатов набрали вместе немногим более 30% голосов. Тогда же большинство избирателей Ленинграда в ходе референдума высказались за возвращение городу названия Санкт-Петербург, отказавшись именовать его впредь в честь основателя Коммунистической партии. В августе 1991 г. радикалы, одержав в течение трех дней победу над путчем консервативного руководства СССР, поставили точку в антикоммунистической революции. Последовавший запрет КПСС не вызвал сколько-нибудь широкого протеста в обществе.

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что либерально-демократическая революция в России была осуществлена при поддержке большинства общества и ненасильственным путем, в основном же при помощи избирательных бюллетеней. Этот вывод важен и принципиален, ибо сегодня среди российских политиков левой и националистической ориентации, как и среди большей части обществоведов, распространено противоположное мнение, заключающееся в том, что большинство общества было пассивно и не оказывало поддержки радикалам⁷, или, как утверждает А.Зиновьев, находилось в состоянии "идеологической паники"⁸, т.е. действовало неосознанно инстинктивно.

Одним из дискуссионных является вопрос о социально-политическом характере революции 1991 г. Многие политики, публицисты и журналисты радикальной ориентации определяли ее как буржуазную или буржуазно-демократическую. У такого определения есть резон, поскольку

принципы, провозглашенные российскими радикалами, совпали с основополагающими заповедями буржуазно-демократической революции. Однако между революцией 1991 г. в России и типичными буржуазно-демократическими революциями были существенные отличия. В России в 1991 г. не было экономических факторов (частная собственность и частнокапиталистическое предпринимательство), буржуазии, достигших в Европе и Северной Америке накануне буржуазных революций той критической массы, которая и делала эти революции неизбежными. В тех революциях именно буржуазия играла роль организатора и гегемона, быстро формировала мощные буржуазные политические группировки и системы и брала в руки политическую власть. Ничего подобного в России не было. Российское демократическое движение моделировало общественно-политическое устройство по образу и подобию западной цивилизации, не располагая социальной средой, которая обусловила развитие этой цивилизации на самом Западе.

Типичные буржуазно-демократические революции и российская революция 1991 г., протекавшие в разных социально-экономических средах, обнаруживают идеологическое родство, приверженность либерально-демократическим ценностям. Поэтому российскую революцию, проходившую под либерально-демократическими знаменами, и при отсутствии буржуазии и буржуазной социально-экономической среды, точнее всего было бы назвать либерально-демократической. Ее идеологии были присущи как все основополагающие либерально-демократические установки, так и присущий либерал-демократизму утопизм. Утопизм, заключавшийся в обещании облагодетельствовать всех и сразу, был, конечно, характерен и для типичных буржуазно-демократических революций, но в российской революции он поражает в гораздо большей степени, ибо она проходила все же на двести лет позднее и могла бы учесть богатые исторические уроки.

Радикалы, державшие равнение на западные стандарты при определении целей российских преобразований, игнорировали факты вопиющей отсталости России по основным экономическим показателям от избранного идеала. Провозглашались, например, необходимость и возможность быстрого создания в России среднего класса, который в странах Запада составляет не менее двух третей общества, являясь прочной основой и социальной стабильности, и политической демократии. Упускалось из вида, однако, что материальная основа создания подобного среднего класса в России, которой производство валового национального продукта на душу населения было в 5 раз меньше, чем в странах Запада, отсутствовала.

Другой популярной идеей российских радикалов был перевод сельского хозяйства на фермерский путь, который, согласно их утверждениям, позволил бы не только накормить Россию, но и начать экспорт зерна. Но ни разу не были приведены экономические и иные расчеты и выкладки, призванные ответить на вопросы: как можно было совершить этот "большой скачок", если Россия по урожайности

⁷ См. книгу А.А.Зиновьева «Запад: феномен западнизма»: http://enlightment2005.narod.ru/arc/zinov_west.zip - ред. Vive Liberta.

зерна отставала от Вьетнама, Замбии, Пакистана, Бангладеш и Никарагуа⁹, и как можно было осуществить массовую фермеризацию, если отсутствовали необходимые для этого производственно-техническая база и социокультурные предпосылки?

Согласно радикальным экономическим реформам, взятым на вооружение Ельциным и его окружением, предполагалось совершить широкомасштабную приватизацию экономики, разрушить ее монополистический характер, снять в основном государственный контроль за ценами, при этом в целях резкой структурной перестройки экономики допускался глубокий спад в базовых отраслях экономики регулируемая безработица и инфляция; в результате реализации реформ их разработчики обещали экономическую стабилизацию по всем основным показателям. При ретроспективном рассмотрении утопизм этой программы поразителен.

Столь же оптимистичными и утопичными были рассуждения радикалов о политическом переустройстве России. У них не возникало никаких сомнений, что разделение властей, правовое государство, многопартийность, политический плюрализм утвердятся в России быстро и безболезненно.

Утопизм радикалов в период борьбы за власть не только не мешал, но даже играл им на руку. Историки хорошо знают, что утопизм - качество многих новых идеологий, особенно в переходные эпохи. Появление идеологий-утопий в такие эпохи закономерно. Как показывает история, только вооружившись ими, можно решительно повести массы на борьбу со старым общественным строем. Идеологи российских радикалов еще одно тому подтверждение: только ей удалось нанести удар по коммунистическим доктринам, россияне пошли за ней, потому что она предлагала абсолютную альтернативу опустылевшему реальному социализму.

Закономерен и важен вопрос: насколько искренне верили россияне и их радикальные лидеры в возможность утверждения всеобщего благоденствия и демократии после смены коммунистического режима? Изучение источников 1989-1991 гг. позволяет, на мой взгляд, сделать вывод: среди россиян, разных их слоев, том числе и даже среди интеллигенции укоренилась вера в то, что Россия должна равняться на западные социально-экономические и политические стандарты и способна быстро достичь их. Представляется, что подобная вера была вполне искренней и для части лидеров радикального движения. В то же время для многие из лидеров радикального движения, что особенно очевидно в свете их эволюции в последующий период, либерально-демократические идеалы и программы являлись средством завоевания популярности и борьбы за власть.

Сосредоточив в результате политических схваток и побед 1989-1991 гг. полноту власти в России, радикалы во главе с Б.Ельциным приступили к реализации своих планов. С начала 1992 г. были запущены три главные реформы: введение свободного ценообразования, либерализация

торговли, массовая приватизация. В своей основе они были воплощены в жизнь в 1992 г., а в последующий период развивались с некоторыми корректировками, не менявшими сути дела. Оценки этих реформ и их последствий среди политиков и исследователей неоднозначны, но в целом можно констатировать, что только очень немногие выставляют им высокий балл¹⁰. Большинство дает им негативные оценки, которые колеблются от умеренно критических до резко отрицательных. Наиболее распространенными оценками общественно-политической системы, утвердившейся в России после 1992 г., являются такие, как "номенклатурный капитализм", "дикий капитализм", "финансово-олигархическое государство", "криминальная революция". Показательно, что подобные оценки выставляют представителями и национал-коммунистического, и либерально-демократического лагеря (в последнем случае с такими оценками помимо интеллигенции выступают политики, не попавшие в "партию власти"). Но мотивировки негативных оценок существенно различаются.

Что касается националистов и коммунистов, то их оценка диктовалась откровенно реставрационными мотивами: радикальные реформы неприемлемы, потому что они нанесли сокрушительный удар по социализму и СССР, восстановление которых и объявляется альтернативой сложившейся системе. Представители противоположного лагеря критикуют эту систему с точки зрения ее несоответствия либерально-демократическим идеалам, "перерождения" и "предательства" демократов, оказавшихся после 1991 г. у власти, их действий не в строгом соответствии с заветами либерально-демократического движения оппозиционного периода¹¹. Заслуживают внимания оценки, данные Е.Гайдаром, "отцом" современных либеральных реформ. Они противоречивы: по одной из них - либеральные реформы не были воплощены в том виде и в той мере, как это было задумано, по причине сопротивления промышленных и аграрных "генералов"¹², по другой - реформы и не могли дать никаких результатов, кроме тех, которые дали (из второй оценки следует, что сам Гайдар и проторил дорогу олигархическому капитализму)¹³.

Можно констатировать: российское общество почти единодушно признает, что рыночно-капиталистическая модель, воплотившаяся в России, оказалась полной противоположностью тем планам и моделям, которые выстраивались в головах радикал-либералов в период их борьбы с коммунистическим режимом. Разногласия возникают в вопросе о причинах такого "разрыва", при этом доминируют представления об их субъективном характере. Согласно же концепции, выдвигаемой в данной статье, утверждение в России после 1992 г. олигархического капитализма было обусловлено объективными факторами, при этом его развитие, как это не покажется парадоксальным, логически вытекало из той общественно-политической модели, которая была сконструирована радикалами в 1989-1991 гг.

Одним из центральных положений либерально-радикальной идеологии и сознания 1989-1991 гг. было положение о благотворности свободных, не обремененных государственным вмешательством экономических отношений. Даже умеренные радикалы отвергали идею государственного экономического регулирования, а "регулируемый рынок" считали такой же нелепостью, как "жареный лед". И если старая советская идеология исповедовала своего рода политический детерминизм, заключавшийся в вере в способность государства и КПСС переделать природу человека и устранить все пороки общества, то новая радикально-либеральная вера основывалась на экономическом детерминизме, по принципу "от противного" пытаясь доказать, что стоит устранить государство из естественноисторического процесса, как тут же заработают благодатные механизмы рынка и экономической свободы, способные утвердить "равные возможности" для всех и всех облагодетельствовать.

Основы отечественного варианта экономического либерализма и были заложены правительством Ельцина-Гайдара в 1992 г. Роль государства как самостоятельного института резко снизилась. Сам Гайдар, впрочем, справедливо отмечал, что ослабление самостоятельных позиций государства произошло еще до начала радикальных рыночных реформ. Государство стало утрачивать способность управлять промышленностью и сельским хозяйством в горбачевский период, когда предприятия и регионы получили возможность выполнять лишь те решения, которые их устраивали, с распадом СССР и КПСС резко ослабло и само государство. В 1992 г. самостоятельная роль государства в социально-экономическом процессе была сведена к минимуму. Социальные последствия введения экономического либерализма оказались, однако, прямо противоположны ожиданиям радикалов.

Очень скоро после начала радикальных экономических реформ выяснилось, что ослабление государства как института автоматически сопровождается возрастанием возможностей манипулирования госбюрократией, использования ее в своих интересах теми, кто оказался в наиболее выгодном положении при переделе госсобственности. Радикальные реформы были без труда направлены в русло, удобное формирующейся экономической элите, которая щедро благодарила за услуги госбюрократию. Народ, которому обещали вхождение в благополучный средний класс, обречен был остаться ни с чем. Со всей полнотой это выявил процесс приватизации, запущенный в середине 1992 г.

Формально схема, разработанная Госкомимуществом России во главе с Чубайсом и одобренная законодательной властью, соответствовала принципам "народной приватизации". Исходя из оценки российских предприятий на 1 января 1992 г. - 1,4 трлн. руб. - каждому россиянину на приобретение акций был выделен приватизационный чек в 10 тыс. руб. Ваучерная приватизация призвана была, согласно либерально-радикальным планам, обратить массы в средний класс -

собственников предприятий в акционеров. В действительности же народного капитализма не было, да и не могло быть создано. В течение короткого - два-три года - периода после запуска приватизации большинство россиян (более 60%) остались и без ваучеров и без акций, а большинство среди тех, кто сохраняет акции, не знают, что с ними делать и не имеют от них никакой прибыли¹⁴. Реально незначительное меньшинство россиян, которые и составили костяк новой элиты, сосредоточили в своих руках прибыльные акции, собственность и экономическую власть. Конкретная практика столь поразительной реализации плана "народной приватизации" пока что не исследована в полной мере. Разрозненные, хотя и многочисленные факты процесса присвоения собственности узким меньшинством, ставшие достоянием общественности, раскрывают лишь видимую часть айсберга. Но и из этих фактов ясно, каким образом и почему владельцами госсобственности стали криминально-теневые структуры, отечественные и зарубежные финансовые корпорации, "красные директора" и их окружение. Роль "первой скрипки" в подчинении их интересам "народной приватизации" сыграла госбюрократия, в первую очередь высшая, которая была щедро вознаграждена. Новая элита не случайно получила название финансово-бюрократической олигархии.

Известны и другие, наряду с приватизацией, механизмы формирования экономической элиты. Шведский экономист А.Ослунд доказывает, что в складывании класса "новых русских" решающую роль сыграла даже не приватизация, а скрытые экспортные субсидии, дотирование импорта и льготные кредиты. Совершенно очевидно, что "спецэкспортеры" и получатели "спецкредитов" были незаконно и понятно, небескорыстно облагодетельствованы высшей бюрократией.

Возможны ли были распределение госсобственности и социальная структурализация новой России "по справедливости", как это предполагалось радикальным лидерами до 1992 г.? В идеале, да, при этом идеальная модель предполагает ряд жестких условий: рациональная, обладающая прочными морально-нравственными устоями бюрократия; сильное и беспристрастное государство, уравнивающее обслуживающее по закону интересы всех граждан; развитое гражданское общество, контролирующее деятельность государства и бюрократии; наличие у граждан примерно равных предпринимательских способностей. Поскольку подобной идеальной модели не существует, не может быть создано и народного капитализма. Выпущенный в России в 1992 г. на волю "предпринимательский дух" заработал в социал-дарвинистском режиме, вознаграждая "наиболее приспособленных" к присвоению собственности.

Необходимо, впрочем, отметить, что 1992 г. закрепил "вознагражденческие" тенденции, вызревавшие еще в горбачевский период. В новейших социологических исследованиях подмечено, что новая российская элита сформировалась по преимуществу из старой

советской номенклатуры. По данным сектора изучения элиты Института социологии РАН выходцы из нее составили более 75% политической и 61% бизнес элиты. При этом новая политическая элита рекрутировалась из бывших партийных и советских работников, а экономическая элита - из комсомольских работников. Еще при Горбачеве, с 1988 г., министерства стали преобразовываться в концерны акционерного типа (например, "Газпром"), госбанки - в коммерческие банки, Госснабы и торги - в биржи, совместные предприятия, крупные торговые дома. Новые коммерческие структуры получали права спецэкспортеров, специмпортеров, уполномоченных банков¹⁶. С 1992 г. эта тенденция трансформации власти в собственность не только не была ограничена, но, напротив, закрепились и восторжествовала.

Возможен ли был реально иной вариант раздела собственности и власти в новой России? В режиме экономического либерализма и разложения государственности он заключался в одном - гораздо большая доля собственности достается не бюрократии, а криминально-теневым структурам. Именно с 1992 г. российская мафия становится "государством в государстве", подчиняя себе самые прибыльные сферы российской экономики (по данным МВД России криминальные структуры в середине 90-х годов контролировали свыше 50% всех хозяйствующих субъектов)¹⁷.

Существен вопрос: как относились к этим процессам лидеры радикально-демократического движения во главе с Б.Ельциным, утвердившиеся у руля государственной власти? Во всей полноте этот вопрос еще предстоит исследовать историкам, но и имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что радикалы, вошедшие во власть, повели себя как типичные термидорианцы, активно используя свои должности в целях присвоения элитных статусов и обогащения. Сразу после августа 1991 г. стали множиться факты, свидетельствующие, что люди, которые активно боролись со старым режимом под лозунгами уничтожения всех и всяческих привилегий, деклариовавшие идеалы "равных возможностей" для всех, остро критиковавшие разрыв между словом и делом у советско-коммунистической номенклатуры, укрепившись во власти, без промедления и с поразительным цинизмом стали распоряжаться государственной собственностью, как своей личной, присваивая дорогостоящие квартиры и дачи, лучшие больницы, здравницы, восстанавливая спецраспределители и прочие привилегии.

Принципы правового государства, провозглашенные демократами в качестве святыня святых в период борьбы за власть, были порушены ими сразу после августа 1991 г., когда начался раздел собственности, конфискованной у поверженной КПСС. В соответствии с принципами правового государства ее распределение должно было осуществляться на основе сбора заявок и их рассмотрения законодательными и судебными органами. Но на деле произошла ее узурпация победившими демократами, приступившими к "дележу добычи". Все здания ЦК КПСС стали автоматически

собственностью демократического правительства, в его ведение, а следовательно, в личное пользование новой элиты перешли дома отдыха, жилой фонд КПСС и многая другая недвижимость. Часть собственности КПСС была распределена в соответствии с "революционными заслугами". Многочисленные истории приобретения и строительства властвующими демократами шикарных особняков, посылки детей на учебу в страны Запада, вхождения во всевозможные коммерческие структуры, заполнили прессу. Но никто из "перерожденцев" не был наказан. Размах коррупции нарастал с каждым днем, и в глазах россиян она приобрела характер неофициального кредо новой власти. "Перерождение" властвующих демократов было признано и осуждено частью тех демократов, которые не вошли во власть, в первую очередь бывшими диссидентами. С.Ковалев счел необходимым выступить с самокритичной оценкой: "И к лицу ли нам теперь вставать в позу оскорбленной невинности и кричать о преданной демократии? Кто позволил ее предать, если не мы?.. Мы проиграли власть, отдав ее негодьям и циникам"¹⁸. Другой известный диссидент Л.Тимофеев объявил роковой ошибкой демократов из диссидентского лагеря то, что они в конце 80-х годов вступили в альянс с "демократами" из КПСС и помогли этим двуличным политикам прийти к власти¹⁹.

Термидорианские тенденции, получившие выражение в концентрации экономической власти и возможностей в руках новой элиты, были подкреплены термидорианскими переменами в политической системе. Здесь они выразились в первую очередь пересмотре схемы разделения властей в направлении концентрации властных полномочий в руках исполнительной, особенно же президентской власти, в формировании "партии власти" и попытках превращения ее в закрытую элиту, в целенаправленных устремлениях поставить средства массовой информации под контроль новой элиты.

Среди политических перипетий в период после августа 1991 г. наибольшую известность и наибольшие разногласия в обществе вызвал конфликт законодательное и исполнительной власти в 1992-1993 гг., завершившийся вооруженной схваткой между ними, победой президентской стороны и ликвидацией Советов. В российском обществе высказаны разнообразные, в том числе взаимоисключающие оценки трагических событий сентября-октября 1993 г.

Президентская сторона всю ответственность за кровавые события возложила на Верховный Совет и законодательную власть. Исторический смысл трагических событий в оценке сторонников президента заключался в крушении системы Советов и советской власти, которая после ухода с исторической сцены КПСС оставалась последним оплотом тоталитаризма и главным барьером на пути демократических экономических и политических преобразований. Согласно их аргументации, президент избрал не только единственно возможный, но и демократический способ выхода из тупика во взаимоотношениях двух властей, когда своим указом (№ 1400) передал решение вопроса о государственно-конституционном

устройстве России на всенародное голосование. Что касается законодателей, то, отказавшись принять указ и обратившись к силовым методам сохранения советской конституции и "всевластия Советов", они встали на защиту собственных корпоративных интересов, а отнюдь не общественного блага и законности.

Антипрезидентская сторона вину за трагедию возложила на исполнительную власть и персонально на Б.Ельцина. Действия законодательной ветви и ее защитников приравнивались ее представителями к подвигу, призванному спасти народившуюся в России систему разделения властей, конституционный строй и законность. В президентской политике они видели апофеоз целенаправленного утверждения авторитарного режима, призванного обслуживать интересы мафиозно-криминальных структур, коррумпированного чиновничества, компрадорской буржуазии. Самыми ярыми защитниками демократии советского типа выступали коммунисты и разнообразные державно-националистические течения и группы.

В свете концепции термидора действия исполнительной власти осенью 1993 г. должны быть признаны важнейшей фазой процесса консолидации власти в руках новых элит. Но в отношении августа 1991 г. они отнюдь не были контрреволюцией, тем более реставрацией. Реставрационные намерения и попытка свершения контрреволюции была заключена как раз в действиях законодательной власти и ее защитников. Анализ программ, идеологии, социального состава законодателей и их сторонников убеждает, что их целями было восстановление СССР и старого общественного строя. По сути их намерения не отличались от намерений ГКЧП в августе 1991 г. Подчинив своему контролю исполнительную власть в России, он жестко блокировал действия исполнительной власти, в результате чего вся российская государственность к осени 1993 г. зашла в тупик.

Конфликт между исполнительной и законодательной властями стал неизбежный вопрос стоял жестко - кто кого? Схватка, от которой зависела судьба русской государственности, вылилась в поединок внутри элит. В отличие от августа 1991 г., народ в целом остался безучастен к конфликту верхов, обнаружив тем самым понимание, что его интересы чужды обеим сторонам. Победа президента нанесла серьезный удар по реставрационным намерениям "слева" и закрепила те социально-экономические и политические тенденции, которые укоренились в 1992-1993 гг.

Принятие Конституции 1993 г. ускорило консолидацию власти в руках новых элит, упрочило их экономические и политические позиции. Современные российские политологи приходят к выводу о формировании в рамках российской элиты политико-финансовых групп, участники которых связаны тесными патронально-клиентельными связями. Властвующая элита приобретает все более закрытый характер, действует все более согласованно, мобилизует огромные ресурсы для сохранения всего, что было приобретено ею после августа 1991 г. Общество видит, как разрастаются сферы ее

влияния и контроля, как сужаются реальные возможности противодействия ей. Одним из последних ярких эпизодов борьбы финансово-политических элит за монопольную власть в обществе стали ее мощные и эффективные усилия по скупке акций и подчинению влиятельных газет, в частности "Комсомольской правды" и "Известий". В России возникли информационно-издательские империи, управляемые лидерами новой элиты.

Разрыв между содержанием и тенденциями общественно-политического процесса в России периодов 1989-1991 гг., с одной стороны, и 1992-1997 гг., - с другой, очевиден. Но, констатируя этот разрыв, невозможно отрицать и то, что между ними существуют разнообразные преемственные связи. Современный российский термидор, нанесший удар по идеологемам, риторике, иллюзиям 1991 г., доказал, что всеобщее благоденствие при новом порядке - утопия не меньшая, чем при старом. Но он же сохранил и укрепил ряд основополагающих принципов 1991 г. и 1992 г. и в последующий период укоренилась и развилась частная собственность, потеснившая с господствующей позиции государственную. Экономический либерализм, святая святых идеологии 1991 г., также пустил корни в российском обществе. Конституция 1993 г. легализовала те экономические, социальные и политические принципы, которые отстаивались революцией 1991 г. В России сохраняется многопартийность, политический плюрализм и разделение властей, хотя в сравнении с идеологемами 1991 г. они имеют ущербный характер. Принят Гражданский кодекс, соответствующий либеральным принципам. Регулярно проводятся свободные выборы, на которых соперничают политические партии и их лидеры. Политический спектр России очень широк - от крайне левых до крайне правых. Российский термидор не уничтожил либерально-демократическую революцию 1991 г., он превратил ее в реалию, соответствующую закономерностям общественных взаимосвязей в буржуазном обществе, а не прекрасноречивым представлениям о нем. Главная черта этой реалии заключается в том, что общество, как и прежде, остается разделенным на элиту, концентрирующую в своих руках собственность и власть, и большинство, отчужденное и от экономической и от политической власти.

Современные российские реалии вызвали в обществе массовое разочарование, растерянность и шок. Наиболее заметно это проявилось среди интеллигенции, которая была движущей силой революции 1991 г., а в последующий период в своем большинстве пополнила ряды "новых бедных". Состояние апатии, выключенности из общественно-политического процесса, характерные для интеллигенции, прослеживаются и среди других социальных слоев, которые поддерживали либерально-демократическую революцию. Сошло на нет рабочее движение, с политической сцены устранился даже его авангард - шахтеры, сыгравшие выдающуюся роль в устранении коммунистического режима. Политическая позиция

россиян в период термидора выявляется эпизодически во время выборов государственных органов власти, главными среди которых были выборы в Государственную думу в 1993 и 1995 гг. и президентские выборы 1996 г. Результаты этих выборов свидетельствуют, что большим числом россиян владеет ностальгия, желание вернуть главный социальный статус прошлого - защищенность и покровительство со стороны государства. Вместе с тем эти же выборы показывают, что большинство россиян, оказавшись перед выбором между "двух зол" - старым и новым порядком предпочитают все же в качестве меньшего зла последний. Объяснение, по-видимому, заключено в том, что по представлениям большинства россиян советский социалистический строй исчерпал возможности позитивных изменений, в то время как новый порядок, существующий несколько лет, сохраняет способность меняться. Если такая способность существует, она должна заключать в себе в качестве важнейшей составляющей постоянный пересмотр "общественного договора" между разным социальными слоями в направлении расширения прав и возможностей большинства. В противном случае российская история сталкивается с выбором: или увековечивании режима финансово-бюрократической олигархии или возвращение пусть и видоизмененному, но старому порядку.

- 1 Рукавишников В. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистически обществ // Социологические исследования. 1995. № 1. С.37.
- 2 История Франции. В 3 т. М., 1973. Т.2. С.70.
- 3 Правда. 1986. 2 авг.
- 4 Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С.51.
- 5 Правда. 1987. 13 марта.
- 6 Обращение оргкомитета по созданию движения "Демократическая Россия" // Огонек. 1990. № 38.
- 7 Козлов В. Российская история. Обзор идей и концепций. 1992-1995 годы // Свободная мысль. 1996 № 3. С.110-111.
- 8 Зиновьев А.А. Гибель "Империи зла" (Очерк российской трагедии) // Социологические исследования. 1995. № 1.С.93.
- 9 Илларионов А. Где мы находимся // Эко. 1988. № 12. С. 57.
- 10 Примером апологетической оценки реформ являются выводы шведского экономиста А. Ослунд; бывшего советником правительства Ельцина-Гайдара (см.: Ослунд А. Россия: рождение рыночно экономики. М., 1996.
- 11 См.: напр.: Афанасьев Ю. Реванш // Новое время. 1994. № 4-5; Буртин Ю. Две приватизации. Как мы пришли к номенклатурному капитализму // Новое время. 1994. № 20, 21; Пияшева Л. Под конвоем Независимая газета. 1994. 16 ноября;
- 12 Демократия в России: самокритика и перспективы // Общественны науки и современность. 1995. № 2.
- 13 Гайдар Е. Новый курс // Известия. 1994. 10 февр. Гайдар Е. Испытание выборами // Известия. 1995. 28 авг. Финансовые известия. 1996. 16 февр; Известия. 1996. 20 марта. 15 Ослунд А. Новых русских обогатили три основных источника // Финансовые известия. 1996. 20 июня.

- 16 Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту Общественные науки и современность. 1996. № 1.
- 17 Крыштановская О. Мафиозный пейзаж России // Социологические исследования. 1995. № 8.
- 18 Ковалев С. Демократы не сумели ответить на вызов времени // Известия. 1995. 19 дек.
- 19 Тимофеев Л. Большая растрата. Об уроках политического поражения демократов // Известия. 1993, 26 февр.
- 20 Афанасьев М. Клиентела в России вчера и сегодня // Политические исследования. 1994. № 1.
- 21 Куколев И. Региональные элиты: борьба за ведущие позиции продолжается // Власть. 1996. № 1; Гельман В. Шахматные партии российской элиты // Pro et Contra. Осень 1996.

Другие работы В.В.Согрина

ИДЕОЛОГИЯ УМЕРЛА. ДА ЗДРАВСТВУЮТ ИДЕОЛОГИИ?

<http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/05/15/0000211022/Sogrin.pdf>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ, ДЕМОКРАТИЯ И ОЛИГАРХИЯ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА

http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/SOGRIN_2.HTM

ВОЙНА США ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/SOGRIN_5.HTM

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В США: ХАРАКТЕР И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ

http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/SOGRIN_4.HTM

ОБРАЗОВАНИЕ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО ГОСУДАРСТВА: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/SOGRIN_3.HTM

ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ США: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

<http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/SOGRIN.HTM>